

50
ЛЕТ
ОКТЯБРЮ

Русская литература

3

1967

ЛЕНИНГРАД

ИЗУЧЕНИЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ X—XVII ВЕКОВ ЗА 50 ЛЕТ

Русской литературе тысяча лет. Действительно, первое произведение русской оригинальной литературы — «Речь философа», включенная затем в состав Начальной русской летописи, — написано в последней четверти X века. От этого произведения, искусно излагающего мировую историю с точки зрения христианина-миссионера, и следует начинать русскую литературу.

Первые семьсот лет тысячелетия русской литературы приято относить к древнему периоду. Древняя русская литература подготовила расцвет русской литературы в новое время. Она передала русской литературе нового времени богатейший опыт наблюдений и литературных открытий, литературный язык с его огромным диапазоном стилистических возможностей. Здесь, в этом древнем периоде, консолидировались идейные и национальные особенности русской литературы.

Однако первые семьсот лет развития русской литературы не были только подготовкой к последующим тремстам. В древнем периоде были созданы непреходящие ценности: летописи, произведения Кирилла Туровского, «Слово о полку Игореве», «Моление Даниила Заточника», «Киево-печерский патерик», «Повесть о Петре и Февронии», «Житие Нульянии Осоргиной», «Повесть о Горе Злочастия», «Повесть о Тверском Отроче монастыре», сочинения Аввакума и многое, многое другое.

Вместе с тем первые семь веков развития русской литературы падают на время существования древнерусской народности (X—XIII века), образования великорусской народности (XIV—XVI века) и зарождения русской нации (XVII век). Столь длительный и разнообразный по историческим условиям период уже сам по себе чрезвычайно благоприятен для изучения законов развития литературы. Изучение же законов развития — основная задача всякой исторической дисциплины, истории литературы в том числе. Только изучив законы развития, мы можем направлять развитие и предугадывать явления будущего. Именно этим определяется, в первую очередь, значение истории русской литературы X—XVII веков и для нашей современности.

В дореволюционной академической науке изучению древней русской литературы уделялось исключительно большое внимание. И это изучение имеет большие достижения — в первую очередь, в области собирания рукописей, открытия и опубликования памятников.

Собирание рукописей приобрело широкие формы уже в конце XVIII века. Еще более расширилось оно после войны 1812 года, сыгравшей значительную роль в развитии национального самосознания и углубления интереса к родной истории.

Деятельность Н. И. Новикова, А. И. Мусина-Пушкина, Н. П. Румянцева, митрополита Евгения Болховитинова, К. Ф. Калайдовича, П. М. Строева и других, а также возникновение различного рода научных государственных учреждений с широкими полномочиями — Археографической экспедиции и Археографической комиссии в первую очередь —

привели к спасению, сохранению и систематизации огромного рукописного материала, богатствами которого мы сейчас справедливо гордимся и который позволяет изучать литературную историю отдельных памятников на таком обширном материале, какого не имеет ни одна из других славянских стран для своего средневековья.

Тогда же, в связи с деятельностью наших энергичных археографов, стали составляться и первые великолепные полные (постатейные) описания научных собраний, многие из которых (А. Х. Востокова, В. В. Горского и К. И. Певоструева, архимандрита Леонида) являются образцовыми и для нашего времени.

В середине XIX века собирание и изучение рукописей еще более расширилось. Были созданы частные собрания исключительной ценности — М. П. Погодина, И. Е. Забелина, А. Н. Пыпина, В. М. Ундольского, Н. С. Тихонравова и многих других, влившиеся затем в состав государственных рукописных хранилищ.

В конце 90-х годов XIX века в программу работы Отделения русского языка и словесности были включены археографические экспедиции и систематическое обследование русских и зарубежных собраний. Ведя обследования собраний в балканских странах и в центральной Европе, русские слависты создали труды, которые и в наше время часто являются исходными для ученых славянских стран, изучающих древнеславянское рукописное наследие.

К началу XX века историки русской литературы древнейшего периода имели в своем распоряжении целый ряд превосходных журналов и изданий, многие из которых целиком переиздаются сейчас на Западе: «Известия Отделения русского языка и словесности АН», «Сборники Отделения русского языка и словесности АН», «Журнал Министерства народного просвещения», «Русский филологический вестник», ученые записки университетов и труды разного рода обществ, изучавших древнюю письменность.

Наконец, в начале XX века началась деятельность известного в истории русской филологической науки семинария акад. В. Н. Перетца, участники которого группами выезжали на места для изучения местных рукописных хранилищ.

Дореволюционная академическая наука была представлена выдающимися учеными — такими, как Ф. И. Буслаев, Н. С. Тихонравов, А. Н. Пыпин, А. Н. Веселовский и А. А. Шахматов. Часть старых ученых продолжала свою деятельность после Октябрьской революции: В. Н. Перетц, М. Н. Сперанский, В. М. Истрин. Другая часть начала ее до Октябрьской революции, тогда же опубликовала свои первые труды, но получила признание уже после Октябрьской революции: А. С. Орлов, П. К. Гудзий, В. П. Адрианова-Перетц.

Советское литературоведение явилось наследником серьезных достижений предшествующего периода, выросло на обширной базе исследовательской литературы и систематической археографической (собирательской, описательной и публикаторской) деятельности. Советское изучение древней русской литературы развило лучшие традиции дореволюционной академической науки, постепенно отходя от ее ограниченности и методологических ошибок.

Экспедиционные сборы рукописей замерли на некоторое время в 20-е годы в связи с трудностями переходного периода. Однако работы по систематическому описанию рукописей продолжали вестись, чему немало способствовала проводимая в то время концентрация рукописных собраний в отдельных центральных крупных книгохранилищах.

В 20-е и 30-е годы (до 1936 года) должна быть отмечена деятельность Комиссии по изданию памятников древнерусской литературы, работа коллектива квалифицированных ученых по созданию знаменитой

и ставшей крайне необходимой для всех «древников» картотеки акад. Н. К. Никольского, соединившей в себе сведения по рукописям отдельных памятников, хранящимся в различных учреждениях, и давшей возможность быстро находить необходимый рукописный материал по отдельным произведениям.

Такое же значение, как и картотека Н. К. Никольского, имела и создававшаяся в 30-е годы картотека сектора древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР, собиравшая сведения о рукописях, изданиях и исследованиях отдельных памятников, и работа по которой, однако, также прервалась в конце 30-х годов.

Картотеки Н. К. Никольского и сектора древнерусской литературы, несмотря на свою незаконченность, до сих пор служат незаменимым пособием для всех исследователей древней русской письменности, воочию демонстрируя необходимость систематически вести работу по созданию серьезных трудов справочного характера.

С 40-х годов по инициативе В. И. Малышева возобновилась экспедиционная работа по сбору рукописей. Эта работа спасла от гибели множество рукописей, переставших зачастую к этому времени цениться своими владельцами. В настоящее время поиски рукописей ведутся, помимо возглавляемого В. И. Малышевым археографического отдела сектора древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР, рукописными отделами Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде, Библиотеки Академии наук СССР в Ленинграде и др.

В результате концентрации после Октябрьской революции большинства рукописных собраний в немногих центральных хранилищах и образования справочных картотек по рукописям изучение древнерусского рукописного наследия смогло пойти по более строгому и научному пути. Еще в дореволюционной академической науке акад. А. А. Шахматов и акад. В. Н. Перетц указывали на необходимость изучать литературную историю памятников на основе привлечения *всего* сохранившегося рукописного материала, *всех* сохранившихся списков. Требование это в новых условиях могло быть легче осуществлено при исследовании и издании памятников. Но не только концентрация рукописных фондов способствовала внедрению в научную практику давно уже выдвинутых исследователями принципов. В не меньшей степени тому же способствовала и «концентрация» государством самих исследователей в нескольких центрах изучения древнерусской литературы, из которых главным следует признать два: сектор древнерусской литературы в Институте русской литературы, организованный в 1934 году, и с перерывами функционировавшие группы по изучению древней русской литературы в Институте мировой литературы АН СССР. В созданных в 30-е годы центрах изучения русской литературы X—XVII веков стали вестись коллективные исследования, предпринимались серийные издания и создавались обобщающие труды. Стали возможны также коллективные усилия по экспедиционным поискам рукописей, их библиографированию и описанию. Были открыты или систематически изучены новые произведения и целые разделы литературы.

Упомяну главные разделы этих новых областей, подвергшихся систематическому изучению.

Несомненно одна из самых значительных и важных областей русской литературы XVII века — это так называемая демократическая сатира. Отдельные произведения демократической сатиры были известны и XIX веку, но они обычно относились к низший род литературы, и им не придавалось особого значения. Поэтому произведения эти не изучались и очень мало публиковались. Заслуга установления историко-лите-

ратурного значения демократической сатиры XVII века, научного опубликования полного корпуса ее памятников принадлежит В. П. Адриановой-Перетц.¹ Она показала, что сатирическая литература имеет огромное значение как выражение идей эксплуатируемых слоев народа. В сатирической литературе XVII века перед нами предстал целый пласт литературы городского посада: ремесленников, мелких торговцев, крестьян, низшего, связанного с народом, оппозиционно настроенного духовенства.

В области изучения летописей советские исследователи, продолжая работы А. А. Шахматова, создали общую историю русского летописания. Впервые история летописания предстала перед нами в трудах А. Н. Насонова и М. Д. Приселкова в своем сложном развитии от XI и до XVI века как история, тесно связанная с политической мыслью древней Руси. Четкие хронологические вехи, наметившиеся в истории русского летописания, позволили привязать к ним и другие произведения древнерусской литературы. Так, например, датировки отдельных летописных сводов облегчили датировку многих связанных с ними произведений — исторических повестей, житий, хождений, посланий и т. д. Летописание явилось тем костяком, благодаря которому удалось распределить в исторической перспективе произведения древнерусской литературы, в большинстве своем безымянные, а потому и трудно хронологически определяемые. История летописания оказалась основой для построения истории литературы. В связи с этим и само летописание стало рассматриваться с историко-литературной точки зрения: изучалась история летописания как история литературного жанра, беллетристические и художественные элементы летописания, его связь с фольклором. Если раньше фольклористы искали в летописи следы тех исторических событий, которые легли в основу былинных сюжетов, то теперь, после Октябрьской революции, исследователи искали обратного: отражения в летописи фольклорных сюжетов.²

Из отдельных вновь найденных произведений назовем «Повесть о Сухане», открытую, изученную и опубликованную В. И. Малышевым, сочинения Ермолая—Еразма, открытые и изученные В. Ф. Ржигой, произведения Андрея Белобоцкого, открытые и изученные А. Х. Горфункелем, отдельные книжные песни, найденные и изучаемые А. В. Позднеевым, произведения справщика Савватия, изученные Л. С. Шептаевым, и пр.

Расширение репертуара русской книжности выразилось и в том, что к историко-литературному изучению стали привлекаться целые разряды памятников, на эстетическую ценность которых до того не обращалось должного внимания. Литературоведы включили в историю литературы летописи, хронографы, некоторые так называемые «подложные» документы и пр. Историко-литературному изучению подверглись произведения Иосифа Волоцкого, впервые оцененные с их художественной стороны в трудах И. П. Еремина. Был издан даже целый том «Новонайденных и неопубликованных произведений древнерусской литературы».³

Расширение репертуара известных памятников было поддержано также огромным увеличением привлекаемых к изданиям и исследованиям списков того или иного памятника, благодаря чему стали известны их новые редакции и новые виды. Вновь открытые редакции сделали

¹ Укажу лишь итоговую работу В. П. Адриановой-Перетц по этому вопросу: Русская демократическая сатира XVII века. Подготовка текстов, статья и комментарий В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1954.

² Полный перечень исследований летописания в пределах до 1960 года см. в книге: Библиография русского летописания. Составила Р. П. Дмитриева. Изд. АН СССР, М.—Л., 1962.

³ «Труды Отдела древнерусской литературы» (далее: «Труды ОДРЛ»), т. XXI, 1965.

возможным полнее представить литературную историю отдельных памятников и благодаря этому пополнить папи представления об историко-литературном процессе.

Исследования и издания памятников по одному или неполному числу списков стали допустимы только как предварительные и информационные. Также стало невозможным издание каждого списка памятника в отдельности без установления между списками хотя бы предполагаемой генетической связи. Эта перестройка науки, предложенная еще до революции в работах наших крупнейших исследователей, продолжает вестись и до сих пор, все более и более углубляясь, совершенствуясь методически, дифференцируясь по отношению к памятникам различных эпох и различных жанров. Она получает свое теоретическое обоснование в трудах по текстологии.

* * *

Одним из характерных и существенных недостатков дореволюционного академического литературоведения был преимущественно книговедческий подход к изучению памятников древнерусской литературы. Устапавливался сравнительно ограниченный круг вопросов, относящихся к предварительному этапу изучения памятника: дата памятника, место возникновения, авторство, наличие списков, деление этих списков по редакциям. Подход к произведениям как к явлениям художественного порядка либо отсутствовал, либо ограничивался эмоциональными оценками. Не менее примитивен был и анализ содержания. Те очевидные успехи, которые имеет советское литературоведение в области изучения древней русской литературы, основываются прежде всего на марксистском методе, которым оно руководствуется. Принцип последовательно проведенного историзма явился чрезвычайно плодотворным в изучении литературы X—XVII веков. Литературоведение, изучающее русское средневековье, в общем оказалось мало затронуто крайностями формализма и вульгарного социологизма.⁴

Новое отношение к самой задаче изучения литературы и новый подход к ней с позиций исторического материализма сказались в литературоведческих исследованиях, однако, далеко не сразу. Первые работы, вышедшие после Октябрьской революции, ничем еще не отличались от работ дореволюционных. Таковы появившиеся в 20-е годы работы академиков В. М. Истрина, М. Н. Сперанского, Н. К. Никольского и мн. др. Продолжая лучшие традиции старой академической науки и давая углубленные исследования отдельных памятников, эти труды представляли сравнительно мало нового в методологическом и методическом отношении. Единственно, что может быть отмечено у старых ученых, — это все возраставшее после Октябрьской революции стремление к обобщающим и концепционным работам. Таковы «Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода» В. М. Истрина (Игр., 1922), «К истории взаимоотношений русской и юго-славянских литератур. (Русские памятники письменности на юге славянства)» М. Н. Сперанского⁵ и др.

В 30-е годы был опубликован курс древнерусской литературы Н. К. Гудзия, вышел также курс лекций по истории литературы XI—XVII веков академика А. С. Орлова. Здесь как нечто новое выступал

⁴ Школа М. Н. Покровского затруднила изучение древней русской литературы, но мало отразилась на существе этого изучения. Зато в преподавании древнерусской литературы концепция М. Н. Покровского и вульгарного социологизма сказались крайне отрицательно и на самом существе преподавательских интерпретаций памятников, и на трактовке различных общих вопросов.

⁵ «Известия Отделения русского языка и словесности российской Акад. наук», 1921, т. XXVI, 1923.

подход к древнерусской литературе как к художественному явлению. В этом своем отношении к древнерусской литературе А. С. Орлов следовал отчасти за Ф. И. Буслаевым, которого он называл «наиболее чутким наблюдателем и теоретиком художественности в древней литературе».⁶ В отличие от Ф. И. Буслаева А. С. Орлов пытался установить разные этапы в развитии художественности, привести в свой анализ сильный исторический момент, дать «характеристики эпох». Так, получила признание его характеристика XVI века с его «обобщающими предприятиями»; достаточно характерно выступила у него и литература Киевского периода, а также областная индивидуальность Новгорода, Пскова и других центров периода феодальной раздробленности. Невозможность найти общие черты для характеристики XVII века побудила А. С. Орлова отказаться от рассмотрения этого периода. Только в третьем издании своего курса А. С. Орлов включил небольшой и крайне неполный раздел, посвященный XVII веку. Этот отказ А. С. Орлова от XVII века очень характерен. Он показывает, что А. С. Орлов ставил себе основной целью дать в своем курсе эстетические характеристики эпох.

Вслед за курсом А. С. Орлова вышли три коллективных академических истории древней русской литературы. Перед Великой Отечественной войной в издании Института русской литературы вышел первый том, посвященный древнему периоду, трехтомной «Истории русской литературы»,⁷ так и оставшейся, к сожалению, незавершенной. Эта история древней русской литературы была, так же как и история русской литературы А. С. Орлова, высоко оценена специалистами. Перед войной и непосредственно во время войны вышли два тома (второй том в двух частях) десятитомной «Истории русской литературы» Института русской литературы АН СССР.⁸ Это была самая обширная история древней русской литературы из всех когда-либо выходивших. Она была не только наиболее объемистой, но и наиболее полной по числу включенных в рассмотрение памятников. Здесь анализировались многие памятники, дотоле не включавшиеся в историю литературы. Памятники выбирались художественные, по критерий отнесения памятника к числу художественных был очень широк. Авторы сделали попытку расширить светские разделы литературы, включив в обзор летописи, хронографы, многочисленные исторические и историко-бытовые повести, сатирические произведения XVII века, записи фольклора и т. п. Историко-литературные явления рассматривались на широком историческом фоне, в связи с общекультурными изменениями, в связи с историей русского искусства: читателю предлагались социологические объяснения памятников, и точность этих объяснений подтверждалась аналогиями из области истории русского искусства. К написанию этой истории древней русской литературы наряду со всеми крупными литературоведами-«древниками» были привлечены виднейшие специалисты искусствоведы (Д. В. Айналов, Н. Н. Воронин) и крупнейшие из тогдашних историков (М. Д. Присьелков).

В ряду академических историй древней русской литературы следует упомянуть первый том «Истории русской литературы» в трех томах,⁹ издававшейся совместно двумя академическими институтами литературы.

⁶ А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XVI вв. Изд. АН СССР, М.—Л., 1937, стр. 12.

⁷ История русской литературы, под редакцией В. А. Десницкого, т. I, чч. 1—2. Учпедгиз, М., 1941.

⁸ История русской литературы, т. I. Литература XI—начала XIII века. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941; т. II, ч. 1. Литература 1220-х—1580-х гг. 1945; т. II, ч. 2. Литература 1590—1690 гг. 1948.

⁹ История русской литературы в трех томах, под редакцией Д. Д. Благого, т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958. Болгарский перевод этого тома вышел в Софии в 1960 году.

В нем в сжатой форме был дан обзор развития древней русской литературы с исправлением периодизации и с попыткой охарактеризовать памятники на основании новых исследований о них, накопившихся со времени выхода в свет первых двух томов десятитомной «Истории русской литературы».

Академические истории древней русской литературы не только подводили итоги проделанному, но и обнаруживали пробелы в существующих исследованиях, указывали темы для будущих изысканий. В процессе работы над академическими историями литературы были определены неисследованные разделы и вопросы, отдельные недочеты в объяснении памятников. Поэтому каждая история литературы заставляла исследователей древней русской литературы со все большей и большей интенсивностью работать над многими проблемами и памятниками, изучать рукописный материал и заниматься вспомогательными дисциплинами.

Так, например, академические истории древней русской литературы побудили исследователей поставить вопрос о возникновении русской литературы. Этот вопрос в старом литературоведении решался довольно просто: русская литература считалась как бы продолжением переводной, явившейся в результате влияний — византийского и южнославянского. Исследование внутренних сил и потребностей, приведших к образованию своей литературы, отвечавшей потребностям русского общества, в дореволюционном литературоведении не производилось.

Так же точно неисследованным оказался и вопрос о переходе древней русской литературы к новой. Была подвергнута пересмотру старая точка зрения, согласно которой этот переход совершился в результате смены византийского и южнославянского влияния в древнерусской литературе западным.

Главное внимание с выходом советских академических историй древней русской литературы стало обращать исследователями на те жанры, которые больше всего связаны с исторической действительностью, — летописи, исторические и бытовые повести, публицистику — и на те стороны церковной литературы, в которых получили наибольшее отражение нужды и идеалы своего времени, критика действительности, классовая идеология. Это позволило теснее связать литературу с историческим процессом и нагляднее развернуть движение литературы, ее историю, ее взаимоотношение с историей культуры в целом. Такой подход к памятникам исправил историческую перспективу развития литературы, позволил создать более строгую периодизацию, которая, однако, не была лишена и недостатков: периодизация истории литературы стала буквально воспроизводить периодизацию исторического процесса, внося в него лишь некоторые изменения и мало учитывая известную самостоятельность развития литературы, вызванную тем, что наряду с общен историческими законами развития в ней действовали и собственные силы, ускорявшие, тормозившие или своеобразно преломлявшие в литературе те изменения, которые происходили в действительности.

Попытка подойти к древней русской литературе как к явлению художественному, сделанная в курсе лекций А. С. Орлова и академических историях литературы, потребовала проведения специальных исследований художественной формы и «эстетических характеристик». Существенное значение в этом новом подходе к литературе имела книга В. П. Адриановой-Перетц «Очерки поэтического стиля древней Руси» (М.—Л., 1947), небольшая брошюра И. П. Еремина «Повесть временных лет» (Л., 1947), не претендовавшая на эстетический подход, но, по существу, ценная именно этим, и ряд статей того же автора, объединенных уже после его смерти в книгу «Литература древней Руси. (Этюды и характеристики)» (М.—Л., 1966). К той же линии исследования худо-

жественной стороны литературы примыкают и некоторые статьи автора этой работы. Интерес к художественности литературы отразился также в создании сектором древнерусской литературы «Истории древнерусской беллетристики», ждущей своего опубликования, и в постановке темы «История древнерусских литературных жанров», над которой работает сектор древнерусской литературы сейчас.

Другой темой, важность которой была особенно остро осознана при создании академических историй древнерусской литературы, явились отношения фольклора и литературы. Эта тема была связана и с рядом других: с темой народности древнерусской литературы, темой зарождения и оформления ее национального своеобразия и темой отражения в литературе пужд и идей эксплуатируемых слоев народа, эксплуатируемого класса. Впервые в истории литературоведения проблема взаимоотношения литературы и фольклора стала в исследованиях В. П. Адриановой-Перетц рассматриваться как проблема взаимоотношения двух мировоззрений и двух художественных методов.¹⁰ Этим самым был осуществлен существенно новый подход. До работ В. П. Адриановой-Перетц связь литературных произведений с фольклором изучалась только с точки зрения отражения в литературном произведении отдельных образов, сюжетов, мотивов, приемов, стилистических формул, т. е. как связь чисто механическая, внешняя. В. П. Адрианова-Перетц впервые стала рассматривать и эти внешние проявления близости литературного произведения с фольклором как результат некоего внутреннего родства литературного произведения и фольклора, идейной близости автора с эксплуатируемыми слоями народа. Вместе с тем В. П. Адрианова-Перетц поставила и другую очень важную проблему: проблему дифференциации самого фольклора, влиявшего на литературу. «... Фольклор в древней Руси творился в самых разнообразных слоях общества, с разными задачами...»¹¹ В фольклоре, утверждает В. П. Адрианова-Перетц, не было единого отношения к действительности.

Я не буду повторять существенно новых принципов подхода к теме «литература и фольклор», выдвинутых в работах В. П. Адриановой-Перетц. Укажу только, что к этой же теме обратился сектор древнерусской литературы в целом, когда создавал свою историю русского народного творчества X—XVII веков.¹² При всей спорности отдельных положений этой истории, важен был самый подход: новый и безусловно правильный. Была сделана попытка, первая в нашей фольклористике и литературоведении, создать историю фольклора на основании главным образом тех свидетельств, которые сохранились о фольклоре в литературе древней Руси.

Решение всех этих общих вопросов истории древней русской литературы тесно связывается с изучением отдельных памятников. Объективность результатов достигается тем, что отдельные произведения изучаются в непосредственной связи с исторической действительностью и в их конкретной литературной истории. Все большее и большее значение придется исследованиям истории текста произведений. История текста произведения обычно кладется в основу литературоведческих выводов. В работах литературоведов-«древников» много внимания уделяется

¹⁰ В. П. Адрианова-Перетц. 1) Древнерусская литература и фольклор. (К постановке проблемы). «Труды ОДРЛ», т. VII, 1949; 2) Историческая литература XI—начала XV века и народная поэзия. «Труды ОДРЛ», т. VIII, 1951; 3) Исторические повести XVII века и устное народное творчество. «Труды ОДРЛ», т. IX, 1953; 4) Крестьянская тема в литературе XVI века. «Труды ОДРЛ», т. X, 1954.

¹¹ В. П. Адрианова-Перетц. Древнерусская литература и фольклор, стр. 40.

¹² Русское народное поэтическое творчество. Т. I. Очерки по истории русского народного поэтического творчества X—начала XVIII веков. Изд. АН СССР, М.—Л., 1953.

изучению рукописного материала, поискам новых списков, изучению редакций, вариантов, разночтений. Именно конкретное изучение памятника, той рукописной традиции, в которой памятник сохранился, исторической обстановки, сопутствовавшей его рождению и литературной жизни, позволяет литературоведу прийти к прочным, объективным и глубоко обоснованным выводам, лишенным субъективизма и тенденциозности.

Отход от «книговедческого» отношения к памятникам древнерусской литературы заставил пересмотреть всю методику публикации их текстов и заново издать многие из них. История литературы не могла быть построена до той поры, пока не были установлены время и происхождение памятников, пока сами памятники издавались по случайным поздним спискам и пока литературоведы продолжали пользоваться «сводными» текстами и произвольными реконструкциями. Необходимо было установить и изучить внутреннюю закономерность появления тех или иных редакций памятников. В исследовательском отношении эта задача была самая трудная и трудоемкая. Предстояло изучить историю текстов множества памятников древнерусской литературы и издать их заново на основании новых требований, предъявляемых к строго научному их изучению. Этой задаче ответили в основном три серийных издания: ежегодно выходившие «Труды Отдела древнерусской литературы», созданная сектором древнерусской литературы серия монографических исследований-изданий памятников древнеславянских литератур и серия «Литературные памятники». Последняя серия имела разносторонние задачи по изданию памятников разных эпох и народов, но в ней вышли научные издания целого ряда памятников древнерусской литературы: «Повести временных лет»,¹³ «Слова о полку Игореве»,¹⁴ «Воинских повестей древней Руси»,¹⁵ «Хождения за три моря Афанасия Никитина»,¹⁶ «Послание Ивана Грозного»,¹⁷ статейных списков древнерусских послов,¹⁸ сочинений Симеона Полоцкого,¹⁹ «Временника» Ивана Тимофеева,²⁰ «Русской демократической сатиры XVII века»,²¹ «Повестей о Куликовской битве»,²² «Александрии».²³ Двадцать два памятника и группы памятников были изданы в серии монографических исследований-изданий памятников древнеславянских литератур. Отдельные редакции произведений и целые небольшие памятники издавались в «Трудах». Наконец, отдельные произведения издавались и вне каких-либо серий:

¹³ Повесть временных лет, ч. I. Текст и перевод; ч. II. Приложения. Под редакцией В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950.

¹⁴ Слово о полку Игореве. Под редакцией В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950.

¹⁵ Воинские повести древней Руси. Под редакцией В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1949.

¹⁶ Хождение за три моря Афанасия Никитина. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948; изд. 2-е — Изд. АН СССР, М.—Л., 1958.

¹⁷ Послания Ивана Грозного. Под редакцией В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951.

¹⁸ Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статьи списки. Изд. АН СССР, М.—Л., 1954.

¹⁹ Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. Подготовка текста, статья и комментарии И. П. Еремина. Изд. АН СССР, М.—Л., 1953.

²⁰ Временник Ивана Тимофеева. Под редакцией В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951.

²¹ Русская демократическая сатира XVII века. Подготовка текстов, статья и комментарии В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1954.

²² Повести о Куликовской битве. Издание подготовили М. И. Тихомиров, В. Ф. Ржигза, Л. А. Дмитриев. Изд. АН СССР, М., 1959.

²³ Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века. Издание подготовили М. И. Ботвинник, Я. С. Лурье и О. В. Творогов. Изд. АН СССР, М.—Л., 1965.

«Псковские летописи»,²⁴ «Новгородская первая летопись»,²⁵ «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков»²⁶ и «Жизнеописания» Аввакума и Елифания.²⁷ Каждое из этих изданий представляло памятник не в каком-либо одном, искусственно созданном «каноническом» тексте, а во всех его дошедших видах. Текст каждого памятника публикуется в этих изданиях в его движении, в изменениях в различной среде и в различные эпохи. Такие издания оказались чрезвычайно важными в историко-литературном плане, позволив проследить изменения идей, литературных стилей, требований, предъявляемых к памятнику читателями и переписчиками. Эти издания оказались в подлинном смысле этого слова историко-литературными, отвечающими задачам построения истории литературы, явившись в известном смысле ее «микрорезультатами». Особенно следует отметить следующие публикации в серии исследований-изданий: «Сказания о князьях владимирских»,²⁸ «Сказания Авраамия Палицына»,²⁹ «Повести о Сухане»,³⁰ «Артаксерксова действия»,³¹ «Повестей о житии Михаила Клоцкого»,³² сочинений Вассиана Патрикеева,³³ «Девгениева деяния»,³⁴ «Новой повести о преславном Российском царстве»,³⁵ «Повести о Дракуле»,³⁶ «Повестей о начале Москвы»,³⁷ «Повестей о споре жизни и смерти»,³⁸ «Слова о погибели Русской земли». ³⁹ Всего вышло двадцать два выпуска этой серии.

Издания памятников древнерусской литературы имеют существенное значение не только для развития текстологии применительно к древнерусским произведениям, но и для общенаучной методологии. В частности, в изучении древней русской литературы успешно преодолевается тот методологический разрыв, который создавался между «основными» научными дисциплинами и «вспомогательными». Принятое в дореволюционной науке деление всех научных дисциплин на науки «первого сорта» и «второго» привело к тому, что и в советской науке главное внимание было уделено на первых порах наукам «основным», имеющим якобы

²⁴ Псковские летописи. Приготовил к печати А. Насонов. Вып. I, Изд. АН СССР, М.—Л., 1941; вып. II, М., 1955.

²⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под редакцией и с предисловием А. Н. Насонова. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950.

²⁶ Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков. Подготовка текста и статья В. И. Малышева. Изд. АН СССР, М.—Л., 1952.

²⁷ А. Н. Робинсон. Жизнеописания Аввакума и Елифания. Исследования и тексты. Изд. АН СССР, М., 1963.

²⁸ Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях владимирских. Изд. АН СССР, М.—Л., 1955.

²⁹ Сказание Авраамия Палицына. Подготовка текста и комментарии О. А. Державиной и Е. В. Колосовой. Изд. АН СССР, М.—Л., 1955.

³⁰ В. И. Малышев. Повесть о Сухане. Из истории русской повести XVII века. Изд. АН СССР, М.—Л., 1955.

³¹ Артаксерксово действие. Первая пьеса русского театра XVII в. Подготовка текста, статья и комментарии И. М. Кудрявцева. Изд. АН СССР, М.—Л., 1957.

³² Повести о житии Михаила Клоцкого. Подготовка текстов и статья Л. А. Дмитриева. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958.

³³ Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения. Изд. АН СССР, М.—Л., 1960.

³⁴ В. Д. Кузьмина. Девгениево деяние. (Деяние прежних времен храбрых человек). Изд. АН СССР, М., 1962.

³⁵ Н. Ф. Дробленкова. Новая повесть о преславном Российском царстве и современная ей агитационная патриотическая письменность. Изд. АН СССР, М.—Л., 1960.

³⁶ Повесть о Дракуле. Исследование и подготовка текстов Я. С. Лурье. Изд. «Наука», М.—Л., 1964.

³⁷ Повести о начале Москвы. Исследование и подготовка текстов М. А. Салминой. Изд. «Наука», М.—Л., 1964.

³⁸ Повести о споре жизни и смерти. Исследование и подготовка текстов Р. П. Дмитриевой. Изд. «Наука», М.—Л., 1964.

³⁹ Ю. К. Бегунов. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». Изд. «Наука», М.—Л., 1965.

самостоятельные задачи. Марксизм считался обязательным только для этих наук. Науки же источниковедческого характера покоились на традиционной методике. В настоящее время, поскольку источниковедение, текстология сливаются все больше и больше с собственно литературоведческими исследованиями, этот методологический разрыв успешно преодолевается. В частности, и исследование художественной и идейной стороны произведения проводится в единстве с исследованием истории текста произведения.

* * *

Объединение отдельных гуманитарных наук, ставшее возможным благодаря развитию единой, охватывающей все общественные науки марксистской методологии, дало весьма заметные результаты именно в изучении древней русской литературы. Хотя за последние пятьдесят лет число специалистов, непосредственно посвятивших себя исследованию древней русской литературы, заметно уменьшилось, — изучение древней русской литературы не только не упало, но в известной мере расширилось и углубилось. Исследованиями в области русской литературы X—XVII веков занимаются сейчас, помимо литературоведов, историки, искусствоведы, археологи, фольклористы, языковеды. Изучение древней русской литературы перешагнуло пределы литературоведения, перестало быть узкой специальностью, интересующей лишь ограниченную группу филологов-медиевистов. Оно стало важнейшим звеном в изучении истории русской культуры, к необходимости создания которой как отдельной научной дисциплины все ближе подходит советская наука.

Особенно плодотворным оказалось сближение изучения древней русской литературы с изучением исторического процесса X—XVII веков. Требование марксизма искать объяснение явлений сознания в исторической действительности привело к обращению историков литературы к исторической науке. История литературы из книговедческого описания в хронологическом порядке фактов литературы прошлого стала мыслиться и строиться как выяснение закономерностей развития литературы. Появилась возможность говорить не только об истории, отраженной в тех или иных произведениях литературы, но и о литературе в целом как выражении исторического движения.

В самом деле, нельзя сказать, чтобы литературой и раньше не занимались историки. Достаточно упомянуть литературоведческие работы В. О. Ключевского, К. Н. Бестужева-Рюмина, С. Ф. Платонова, А. Е. Преснякова и многих других. В послеоктябрьский период о памятниках древнерусской литературы писали историки: Б. Д. Греков, М. Д. Присьелков, А. Н. Насонов, Б. А. Романов, Л. В. Черепнин, И. У. Будовниц, К. В. Кудряшов, Н. А. Казакова, А. Л. Гольдберг, Д. Н. Альшиц, Б. В. Сапунов и др. Дело заключается, однако, не в количественных показателях, а в самом понимании взаимоотношений литературы и действительности. Исследователи XIX и начала XX века в своем историческом подходе к памятникам литературы видели в них прежде всего отражение исторической злободневности. Они искали в памятнике отражение тех или иных событий, исторической личности автора, той или иной политической линии автора, редактора текста, писца. В настоящее время связь памятника с исторической эпохой понимается более широко и глубоко. Исследователи изучают классовую природу памятника, связь идеологии автора с идеологией среды. Сами историки литературы стали в известной мере историками, шире используют достижения исторической науки.

Единство научного метода, кроме того, позволило объединить усилия представителей различных дисциплин в изучении литературы древ-

ней Руси и в более широком плане. Возникли работы, рассматривающие литературу в свете данных, извлекаемых из изучения древнерусского искусства. Стало возможным проверять выводы литературоведения на выводах смежных общественных наук, рассматривающих явления той же эпохи. Отдельным литературным памятникам и характеристикам целых групп памятников были посвящены работы искусствоведов Н. Н. Воронина, Н. Г. Порфиридова, М. А. Ильина, М. К. Каргера, О. И. Подобедовой и др.

Должны быть также отмечены работы по древнерусской литературе фольклористов (Б. Н. Путилова, К. В. Чистова, В. Е. Гусева), лингвистов (В. В. Виноградова, С. П. Обнорского, Б. А. Ларина, Л. П. Якубинского, Л. А. Булаховского, А. П. Евгеньевой, Л. С. Ковтун, Е. М. Иссерлин, Б. Л. Богородского и др.), востоковедов (В. А. Гордлевского, С. Е. Малова, Е. Э. Бертельса, Л. С. Шепелевой).

* * *

Изучение «Слова о полку Игореве» всегда составляло отдельную область. В этой области были сделаны за последние пятьдесят лет огромные успехи. Итоги этого изучения трудно подвести кратко. Достаточно сказать однако, что за полвека, протекшие со времени Октябрьской революции, появилось значительно больше исследований и переводов «Слова» на современный русский язык, чем за весь предшествующий век.⁴⁰ Изучение «Слова» перестало ограничиваться истолкованием отдельных «темных мест», образов и реалий. От изучения «Слова» по частям исследователи перешли к его осмыслению в целом, как системы идей, системы образов, к определению художественной природы «Слова», связей с современной ему литературой и исторической действительностью. Исследовались жанровая принадлежность «Слова», система его языка, орфография, диалектизмы, ориентализмы, взаимоотношения лексики и фразеологизмов «Слова» с лексикой и фразеологизмами других памятников древнерусской литературы. Изучалось взаимоотношение «Слова» с фольклором — не только в их механических связях, но и в их внутреннем сродстве. Изучались исторические представления автора «Слова», его природоведческие сведения. Особое значение имело выяснение текстологических взаимоотношений «Слова» с памятниками Куликовского круга и, в первую очередь, — «Задонщиной».

Положительное значение для изучения «Слова» имело возрождение в середине 30-х годов скептического к нему отношения. Хотя скептики не выдвинули никаких серьезных аргументов, которые заставили бы специалистов усомниться в его подлинности, тем не менее необходимость считаться с интересами широких читательских масс побудила исследователей заняться целым кругом вопросов, которым до появления скептиков уделялось недостаточное внимание. Концепция скептиков заключалась в том, что «Слово» создано в конце XVIII века как подражание исчезнувшему затем списку «Задонщины». Эта концепция только варьировалась: авторство «Слова» приписывалось то одному, то другому лицу, а в последнее время даже сразу двум. Различно интерпретировались мотивы подделки. Усложнялись отношения «Слова» к памятникам древнерусской литературы. Ни одного специалиста по древнерусской литературе среди скептиков назвать нельзя. Это была чисто дилетантская гипотеза, тенденциозно подбиравшая материал и игнорировавшая факты, которые не укладывались в заранее созданные предположения. Под на-

⁴⁰ Сошлюсь на библиографии: «Слово о полку Игореве». Библиография изданий, переводов, исследований. Составила В. П. Адрианова-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1940; «Слово о полку Игореве». Библиография изданий, переводов и исследований 1938—1954. Составил Л. А. Дмитриев. Изд. АН СССР, М.—Л., 1955.

пором фактов гипотеза вынуждена была все более и более усложняться, выдвигать целый ряд предположений, строиться на новых и новых гипотезах. В настоящее время концепция скептиков приобрела настолько сложный характер, что потеряла всякую не только внешнюю, но и внутреннюю убедительность. Она оказалась слабой в самой системе мало связанных между собой предположений. Плодотворность усилий скептиков для изучения «Слова» заключалась, однако, в том, что скептики своими нападками усилили интерес к «Слову» во всем мире, заставили обратить более пристальное внимание на художественные достоинства «Слова», на его разносторонние связи с русским средневековьем, на его текстологические связи с памятниками Куликовского цикла, на изучение языка «Слова» в его целом.⁴¹

* * *

Профессиональная замкнутость и «академизм» в изучении древней русской литературы, характерные для ее дореволюционных исследований, в настоящее время успешно преодолеваются. Исследования древней русской литературы все больше и больше становятся важной частью советского литературоведения. Вопросы, поднимаемые специалистами по древней русской литературе, интересуют всех медиевистов и привлекают широкий читательский интерес. Изучение древнерусской литературы отражает возросший научно-общественный интерес к проблемам национальной специфики, народности литературы в целом. Кроме того, изучение древнерусской литературы в Советском Союзе встретилось с возросшим интересом к ней за рубежом. На Западе не только выходят многочисленные исследования по отдельным памятникам и отдельным проблемам древнерусской литературы, переводы памятников и их исследований, но и переиздаются многие советские книги: публикации памятников, исследования и все тома серийного издания «Труды Отдела древнерусской литературы».

Не все, конечно, в изучении русской литературы X—XVII веков обстоит за последнее время и обстоит благополучно. Увлечение вновь открытыми областями и аспектами привело к игнорированию других областей. Так, например, преимущественное занятие светской литературой (летописями, историко-бытовыми повестями, историческими повестями, публицистикой) привело к тому, что таким исключительно важным жанрам, как жития и патерики, уделялось крайне недостаточное внимание. Усиленное внимание к национально-патриотическим темам и аспектам оказалось связано с неоправданным падением интереса к переводной литературе, к изучению взаимосвязей русской литературы X—XVII веков с другими славянскими литературами. Правда, в последнее время в связи с международными конгрессами славистов интерес к взаимоотношениям древнеславянских литератур между собой вновь возродился,⁴² но все же изучаются по преимуществу отдельные факты этих связей и почти нет работ, которые бы систематически исследовали влияние литератур друг на друга в течение больших периодов.

Одна из самых существенных задач в изучении древней русской литературы — четкое планирование научных работ и соблюдение необходимых пропорций в изучении отдельных областей, ибо наука должна развиваться единым фронтом и значительные прорывы вперед на отдель-

⁴¹ Из советских работ, подводящих итоги обороне подлинности «Слова», укажу на две: Слово о полку Игореве — памятник XII века. Изд. АН СССР, М.—Л., 1962; «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». Изд. «Наука», М.—Л., 1966.

⁴² См., например, сборник: Русская литература XI—XVII веков среди славянских литератур. «Труды ОДРЛ», т. XIX, 1963.

ных участках могут принести только временные успехи, если эти успехи не будут закрепляться подтягиванием сил по всей линии изучения.

Накопец, существенным недостатком нашего изучения древней литературы является ослабление внимания к подготовке справочных и подсобных изданий: библиографических работ, работ по археографии, полному научному постатейному описанию рукописей, историографических работ и т. п.

Если делить литературоведческие работы на работы, обобщающие уже известные факты, и на работы, устанавливающие новые факты, то может быть отмечен некоторый крен в сторону первых, но крен этот легко изживет сам себя, когда обобщения уже известных фактов станут повторяться и так или иначе понадобится вводить в науку новые аспекты изучения и новые темы.

В целом же пужно признать: наука о русской литературе X—XVII веков имеет хорошие достижения и еще лучшие перспективы на развитие в будущем.

